

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ

ОГНЕННЫЕ РЕКИ

12+

Евгений Шварц
Огненные реки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шварц Е. Л.

Огненные реки / Е. Л. Шварц — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В книге прослеживается принятие решений о проведении боевых операций Верховными главнокомандующими двух противоборствующих сторон в Великой Отечественной войне: Сталиным и Гитлером. Как они принимались перед и в ходе Сталинградской и Орловской битв. Роль Советской стратегической разведки в провидении Сталиным начала этих битв. В повести прослеживается в этих сражениях путь 308 стрелковой дивизии Героя Советского Союза, генерала Леонтия Николаевича Гуртьева и судьбы курсанта Омской летной школы попавший в разведроту дивизии. Сражавшего в развалинах Сталинграда, а после на Орловской дуге в районе реки Зуша и вернувшегося вновь в авиацию.

© Шварц Е. Л., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1. Волга	5
Глава 1. Отставки в вермахте	5
Глава 2. Омская школа пилотов	8
Глава 3. Ставка «Волчье логово»	11
Глава 4. Кремль, заседание ГКО	14
Глава 5. Пасторский особняк в Полтаве	16
Глава 6. Вокзал Омска	18
Глава 7. Назначение Паулюса	20
Глава 8. Приказ № 227 «Ни шагу назад»	23
Глава 9. Проблема ленд-лиза	27
Глава 10. Черчилль в Москве	30
Глава 11. План Паулюса по уничтожению Сталинграда	34
Глава 12. Обер-фельдфебель Шнайдер	35
Глава 13. Отстранение и назначение	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть 1. Волга

Глава 1. Отставки в вермахте

Германия в декабре сорок первого потерпела жестокое поражение, план «Тайфун» по захвату Москвы и ее уничтожению не принес ожидаемых результатов. Гитлеровские генералы считали, что падение столицы Советского Союза означает победу Германии на Восточном фронте в целом, так как, по расчетам Главнокомандования вермахта, падение Москвы неминуемо привело бы к краху и разрушению всей государственной системы Советского Союза. А значит, и к концу сопротивления, исчезновению Красной Армии как таковой, а следовательно, и Советского государства в целом.

Но Москва выстояла, и немцы были отброшены от нее на запад местами на триста километров с большими потерями в технике, а главное – в людях. В этой критической ситуации, когда престиж Гитлера как выдающегося политического и военного деятеля пошатнулся как в самой Германии, так и в мире, фюрер, не раздумывая, объявил виновными в провале операции «Тайфун» почти всех своих военачальников, воевавших на Восточном фронте, и отправил их в отставку. В первую очередь Гитлер с дальним прицелом на эту должность избавился от главнокомандующего с 1938 года сухопутными силами, награжденного им же за победу над Францией Рыцарским крестом и произведенного в фельдмаршалы Вальтера фон Браухича. Объявив его главным виновником в разгроме его войск под Москвой и Ростовом-на-Дону.

Потом полетели головы калибром немного поменьше. В ставку был вызван командующий второй танковой группой, наступавший на Москву и недавно получивший непосредственно из рук фюрера знак «Дубовые листья» к Рыцарскому кресту, генерал-полковник Гейнц Гудериан.

Гитлер более пяти часов убеждал своенравного танкиста, что его, фюрера, «стоп-приказ», то есть распоряжение войскам ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не отступать с завоеванных позиций, – верный. А для того чтобы удержать линию фронта, надо было зарываться при помощи взрывов в промерзшую землю, тем самым создавая окопы и укрытия для солдат. Но только ни шагу назад!

– Этот мой приказ, генерал, не допустил полной катастрофы под Москвой. Если бы мы попятились назад, то войска нельзя было бы остановить, они побежали бы, и фронт в одночасье мог рухнуть! – смотря в глаза Гудериану, с жаром доказывал фюрер.

Но генерал, выслушав монолог своего верховного, убежденно ответил:

– Мой фюрер, следовало постепенно отойти на старые, летние позиции по рекам Ока и Зуша. Туда, где еще остались блиндажи и другие укрытия для солдат, и тем самым сохранить в большем количестве войска и танки. А взрывать снарядами землю для создания укрытий, как вы предлагали, невозможно! В лучшем случае получились бы углубления размером с тарелку. Да и, по сути дела, фугасов-то у нас уже не было.

Но фюрер продолжал настаивать на правильности своего приказа «Ни шагу назад!» Под конец этого длинного разговора Гитлер понял, что его так называемый «магический взгляд» и не менее «гипнотические» доводы не действуют на генерала и внезапно замолчал. Протянув руку Гудериану, уже не «гипнотическим», а жестким взглядом посмотрел на того и холодно произнес:

– Генерал, благодарю вас за службу. Вы слишком жалеете своих солдат, поэтому видите ситуацию с моим приказом в черном свете и не хотите его выполнять.

Когда создатель современных бронетанковых войск Германии вышел и за ним закрылась дверь бетонного бункера, Гитлер, посмотрев ему вслед, повернулся к начальнику штаба вер-

ховного командования вермахтом, а по сути дела – своему личному военному секретарю Кейтелю и нервно произнес:

– Фельдмаршал, я так и не убедил этого барана в своей правоте! Недаром на него за непослушание жалуется фельдмаршал Клюге и вообще с этими танкистами надо разобраться. Подготовьте один приказ о снятии Гудериана с командования танковой группой и отправке его пока в резерв, а там видно будет, что с ним дальше делать. Пусть подлечит расшатавшиеся нервы. А второй, более жесткий приказ – о снятии с командования четвертой танковой армией генерал-полковника Гёпнера. С формулировкой: «За трусость, неподчинение приказу фюрера стоять до последнего и ни шагу назад». За то, что самовольно отступил с передовых позиций, уволить его из вермахта без права ношения военной формы, наград и без пенсии. И вообще, подумаю об отдаче его под трибунал. Так, с непокорными танкистами разобрался, – обратился фюрер к Кейтелю, – фельдмаршал, теперь подготовьте приказы по командующим группами армий. Главкома группы «Север» фельдмаршала фон Лееба уволить из вермахта и немедленно отправить на пенсию. А фельдмаршала группы «Юг» фон Рундштеда отстранить от командования, но отправить в резерв Верховного Главнокомандования, может еще пригодиться. Такой же точно приказ отдать и по группе армий «Центр» в отношении фельдмаршала фон Бока. Нечего дряхлым старикам делать в армии.

19 декабря 1941 года в своей ставке «Вольфшанце», или «Волчье логово», в Восточной Пруссии Гитлер окончательно принял решение, к которому стремился с тридцать восьмого года: лично возглавить сухопутные силы вермахта. Для этого надо было найти причину избавиться от главкома сухопутных войск фельдмаршала фон Браухича.

Поздно вечером фюрер встретился с министром пропаганды Геббельсом, своим старинным сподвижником по нацистскому движению еще с начала двадцатых годов, и обосновал тому, почему он принял такое решение.

– Герр доктор, ни один из существующих ныне генералов не сможет воспитать солдат сухопутных войск в духе нашей национал-социалистической партии. А это, по сути дела, является главной задачей главнокомандующего. Вы можете возразить: а оперативное руководство войсками, разработка операций, стратегия? Я так отвечу: этой ерундой сможет заниматься каждый, кто хоть раз побывал на фронте. А в целом все это, еще раз говорю, генштабистская чепуха! Придумка недоумков из Генштаба с красными лампасами на брюках и серебряным шитьем на воротниках мундира!

Фюрер замолчал, посмотрел на Геббельса и продолжил:

– Главное, герр доктор, – национал-социалистический настрой в армии, и тогда победы будут у меня в кармане! Только я смогу своей волей сделать так, чтобы каждый солдат впитал, как с молоком матери, наши идеологические догмы. Исходя из этой парадигмы мною и принято решение – лично возглавить сухопутные силы. Приказ сегодня уже разослан в войска, и думаю, что он будет там воспринят с одобрением.

Геббельс, восторженно глядя на своего обожаемого божка, воскликнул:

– Мой фюрер, вы правильно сделали, что отправили этого индюка Браухича в отставку! Только он повинен, что ваш идеальный план по быстрому разгрому красной России сорвался.

Гитлер после этих слов сжал кулаки и прокричал:

– Браухич – подлец и негодяй, абсолютно негодный военачальник, не умеющий воевать! Возомнил о себе невесть что! Что это за фельдмаршал, который не может в критической ситуации реально оценить обстановку на фронте, не то что исправить ее. Только и слышал от него: «Мой фюрер, разрешите отступить». Вместо того чтобы, несмотря на трудности, заставить каждого солдата на своем участке отважно воевать, а значит, и в целом всей армии – только наступать! И никаких мыслей не должно быть в голове о том, чтобы пятиться от врага назад!

Гитлер немного успокоился, скрестил руки на груди и продолжил:

– У меня в начале русской кампании и в мыслях никогда не было идти на Москву, я ставил задачу перед этими дураками с красными лампасами захватить житницу Советов Украину и обеспечить Германию вдоволь мясом, хлебом, маслом. Затем выйти к предгорьям Кавказа. Для этого следовало ослабить группу армий «Центр», влить часть ее войск в группу «Юг». И эти усиленные армии одним ударом должны были быстро завоевать промышленный Донбасс, нефтяные промыслы Майкопа, Грозного и тем самым обеспечить нас нефтью. Группой армий «Север» я планировал захватить Ленинград, население его уничтожить, несмотря на то, сколько их там миллионов этих недочеловек. Сам город, который мне абсолютно не нужен, сровнять с землей. Главное в этом ударе – получить крепость Кронштадт, а значит, Балтийское море стало бы полностью нашим и мы соединились бы с финнами. В этом году, по моим расчетам, этих завоеваний было бы достаточно. И до наступления зимы я планировал остановить войска на зимних квартирах по линии Одесса – Орел – Чудское озеро.

Гитлер на мгновение замолчал, а потом продолжил:

– А эти тупоголовые генералы все твердили – только Москва, столица России, все остальное потом, и я поддался на их уговоры. И вот что мы имеем в результате: от Москвы отброшены! С великим трудом, на пределе своих нервов я удержал от полного развала весь Восточный фронт.

– Мой фюрер, – воскликнул Геббельс, закивав в знак согласия головой, – только благодаря вашей воле и приказу «Ни шагу назад» мы не потерпели окончательное поражение в битве за Москву! Теперь под вашим непосредственным руководством сухопутными силами мы одержим блестящие победы на востоке и уничтожим Советы!

Гитлер вскинул голову и твердо произнес:

– В следующем году я вернусь вновь к плану по захвату нефтяных месторождений Кавказа, а затем – Бакинских промыслов с выходом к Ирану и Ираку, чтобы окончательно лишить и Россию, и Англию нефти! Но для этого мы вначале должны выйти к Сталинграду.

Фюрер молча прошелся по бункеру и, подойдя к Геббельсу, продолжил:

– Овладев этим большим промышленным центром, форсировав Волгу, вермахт, создав плацдарм на противоположном берегу, перережет важную для русских водную транспортную артерию. Эта большая река важна им для поставок различных грузов с юга в центральную часть России как для фронта, так и для промышленности.

Гитлер вновь помолчал, а затем продолжил:

– Герр доктор, на недавней встрече с японским послом бароном Осима я тому прямо заявил: «Летом сорок второго Советы будут полностью уничтожены. Так что этот год будет решающим этапом войны. Цель летнего наступления в том, чтобы войска на Кавказе дошли до нефтяных промыслов и лишили Россию нефти. Естественно, мы сделаем также все, что в наших силах, чтобы стереть с лица земли Москву и Ленинград. Очень печально, что согласно нашему «Антикоминтерновскому пакту», то есть соглашению об обороне от коммунизма, кстати, продленному 25 ноября 1941 года еще на пять лет, а на этот раз к нему еще присоединились Финляндия и ряд других государств, ваша страна так называемого Восходящего солнца не принимает участия в борьбе против Советского Союза. Вы можете опоздать к дележу большого аппетитного российского пирога. Японии следовало бы принять немедленное участие в войне против Советской России, чтобы получить ее Дальний Восток и Сибирь». Посол обещал мой призыв донести до правительства и императора.

Фюрер, пристально посмотрев в глаза министру, твердо произнес:

– Я, герр Геббельс, еще в ноябре прошлого года, в разгар наступления на Москву, окончательно обдумал план летних операций вермахта. Вначале только Сталинград и Кавказ, а затем уж Москва и Ленинград.

Глава 2. Омская школа пилотов

Штурвал управления сам собой повернулся влево, соответственно и самолет накренился в и плавно вошел в разворот.

– Королев, ты что, спишь?– раздался в наушниках шлемофона голос инструктора,– давай выполняй «четвертый» и точнее выходи на посадочную прямую. Я, что ли, за тебя курсанта буду пилотировать?

– Товарищ инструктор, никак не могу привыкнуть после Р-5 к такому далекому заходу. Не то что посадочных знаков не различишь, а и сам аэродром-то еле виден.

– Максим,– вновь раздался в наушниках шлемофона голос инструктора,– по наземным ориентирам надо выходить в створ полосы. Сколько раз тебе буду говорить, как на бомбардировщике заходить на посадку? Давай подтягивай двигателями, немного дай газу, а то не доле-таем до посадочного «Т». Да, не забудь выпустить шасси и щитки.

Королев глубоко вздохнул и двинул немного вперед рычаги газа. Моторы заурчали громче, стрелки приборов, показывающие обороты винтов, качнулись в сторону увеличения. Быстро покосившись на рычаг выпуска шасси, правой рукой взялся за него, нажал и двинул вниз. Шасси одно за другим вышли и со стуком встали на замки. Сразу на приборной доске погасли две красные лампочки, а зажглись зеленые.

– Шасси выпущено, – доложил курсант по переговорному устройству инструктору.

– Не забудь посадочные щитки выпустить и внимательно смотри за скоростью, помни, что она после их выпуска будет моментально падать, – услышал в ответ курсант.

«Да, точно, теперь посадочные щитки», – подумал Королев и правой рукой нажал на рычаг их выпуска. Он не стал смотреть на указатель положения щитков, почувствовав их выход, так как бомбардировщик как бы подпрыгнул на ухабе, словно натолкнулся на невидимую стену.

– Теряем скорость, добавь еще обороты моторам, – прозвучала подсказка инструктора, – вот так, молодец!

Впереди слева показалось посадочное «Т», и вновь раздалась подсказка инструктора:

– Немного возьми штурвал на себя, и приземлимся точно возле знака, как и положено, на три точки.

Такая плотная опека инструктора не нравилась Королеву, и он подумал: «Скоро самостоятельно выпустит, а все подсказывает. Ведь знает, что точно, где положено, у «Т» посажу «эсбешку!»

Бомбардировщик СБ плавно приближался к земле, Максим смотрел на нее со своего пилотского места, оценивая расстояние до момента касания, чтобы вовремя взять штурвал «на себя» и посадить самолет плавно, как говорится, впритирку.

Ему казалось, что в эти последние мгновения полета он чувствует, как сухие стебли травы стучат по колесам и стук отдается в штурвале и в кончиках пальцев, сжимающих его.

Приземление получилось настолько плавным, что он не уловил момент, когда колеса коснулись посадочной полосы. Понял это лишь тогда, когда застучали амортизаторы стойки шасси при ударах колес о неровности земли.

– Давай заруливай на стоянку, – раздался в шлемофоне голос инструктора, – на сегодня тебе полетов достаточно.

Когда винты остановились, стало слышно, как потрескивают, словно покашливая, остывающие выхлопные патрубки двигателей. Королев открыл фонарь кабины, отстегнул привязные и парашютные ремни. По стремянке, подставленной техником самолета, спустился на землю. Инструктор уже вылез из штурманской кабины через люк, расположенный в ней, и раскурлил папиросу.

– Ну что, Максим, запомнил свои ошибки в пилотировании, о которых я тебе говорил в полете? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Летаешь ты нормально, можно сказать, уверенно. Сказывается подготовка на У-2 и Р-5. Сегодняшняя проверка показала, что еще несколько дней – и можно будет выпустить тебя самостоятельно, после, может, и на фронт.

– Скорее бы, товарищ инструктор, воевать хочется, – Королев на миг остановился и продолжил: – Все ребята спят и видят себя в боевых полках.

Инструктор при этих словах затаился папиросой, выпустил тонкой струйкой дым и с усмешкой проговорил:

– Не спеши голову сложить, пригодится она еще тебе!

Королев удивленно посмотрел на него.

А тот продолжил:

– Я же сказал – может, на фронт, а может, и нет. После окончания училища планируем оставить тебя здесь инструктором, – и внимательно посмотрел на курсанта.

– Нет, Александр Федорович, хочу только в действующую армию, на фронт, – с мольбой в голосе протянул тот.

– Ладно, поживем увидим, – сказал инструктор и спросил: – Как дела у твоего друга Маслова?

– Нормально, самостоятельно уже летает. Говорит, что их группу на днях начнут переучивать с «эсбешки» на пикировщик «Пе-2». Жалко, что нас по разным эскадрильям распределили, а то я тоже бы полетал на «пешке». Смотрите, Александр Федорович, «Ил-4» прилетели, – показывая рукой на полосу, на которую один за одним заходили на посадку бомбардировщики, уныло проговорил Королев и продолжил: – Снова весь наш бензин им достанется. А мы опять на земле будем сидеть, лапу сосать, – подытожил он.

– Все для фронта, мой дорогой, с завода летят, ишь, еще свежей краской блестят! Им везде по маршруту с завода к фронту зеленая улица, – ответил тот. – Максим, а вот и твой друг идет, – проговорил инструктор, показывая кивком головы, на долговязую фигуру Маслова, идущего к ним по стоянке.

Он, подойдя, поздоровался и спросил:

– Товарищ инструктор, можно забрать этого аса? Уже скоро ужин.

Тот в знак согласия кивнул головой, и два товарища отправились в столовую, а затем в казарму.

– Семен, – проговорил шепотом в ночной тишине казармы Королев, лежа на кровати, – с такими полетами мы никогда не закончим летную школу даже по сокращенной программе. За время обучения ты вылетел самостоятельно «эсбешке», я только на Р-5 и когда на «бомбере» полечу сам – неизвестно! То бензина нет, то моторы с техниками меняем, то радиаторы помогаем паять, чтобы быстрее самолет нашей группы смог вновь начать летать!

Королев, до этого лежавший на спине, повернулся на бок, лицом к товарищу, пружины кровати еле слышно скрипнули под ним.

– Максим, ты же сам видишь, – шепотом ответил Маслов, – весь наш авиационный бензин идет на заправку «илов», ведь они нужны на фронте, их там ждут-не дождутся! Ну а нам, конечно, остаются, в буквальном смысле, капли. И не стоит на это обижаться.

– Семен, – продолжил Королев, подложив руку под щеку, – как было бы здорово – например, заболел, кто-нибудь из экипажа перегонщиков, и нас вместо них посадили бы на новенький бомбардировщик, и полетели бы мы на фронт воевать! Громить фашистов!

– Король, ты все такой же, как и в аэроклубе, фантазер, – прервал своего товарища Маслов и продолжил: – Ну, кто доверит боевую машину курсанту, выучившемуся только взлетать, садиться, и летать лишь по кругу? Максим, приземлись на нашу грешную землю, – подытожил Маслов.

– Зря, Семен, ты не веришь в такую удачу, – негромко, но с азартом прошептал Королев, – а вдруг повезет! Во-первых, «эсбешка» – устаревший, но все же бомбардировщик, двухмоторный. Во-вторых, они однотипные, ведь «Ил-4» – дальнейшее развитие наших старушек СБ. А это значит, пилотирование его ну ничем не отличается от того, чему мы научились. Ты как знаешь, Семен, а мне обязательно повезет, попаду я на фронт, вот увидишь! – с упрямством в голосе прошептал Королев и добавил: – Ничего, придет мой тот счастливый день, а теперь давай спать.

Но в этот момент в казарме загорелся свет и дежурный прокричал: «Подъем! Тревога! Всем эскадрильям на плацу построение!»

Глава 3. Ставка «Волчье логово»

В последнее декаде марта в Верховной ставке третьего рейха, расположенной в Восточной Пруссии, «Вольфшанце» – «Волчье логово» Гитлер в обстановке полной секретности провел с высшим командным составом оперативное совещание. Он растолковывал высшим военным свое видение действий вермахта на Восточном фронте летом сорок второго года.

Фюрер как обычно довольно долго убеждал генералов в правильности своего замысла будущих летних операций, заключающихся в стремительном наступлении на Донбасс и подчинении его промышленного потенциала экономике Германии.

– Затем безостановочное, победоносное продвижение на юг России с выходом в районы Майкопа и Грозного, к так необходимой нам нефти. Также надо, – заявил он, – закрепиться на Волге, уничтожив промышленный Сталинград.

Под конец своей речи, длившийся более двух часов, он с победоносными нотками подытожил:

– Господа, русские измотаны зимними боями. У Сталина практически не осталось людских резервов для пополнения войск. Это касается и боевой техники, мы ее практически всю уничтожили за сорок первый и начало сорок второго года, особенно авиацию. Исходя из этого, вермахт, блестяще выполнит задачи по летнему наступлению на обозначенные мной цели. Их захват важен нам не только с экономической точки зрения, не менее актуален он и с политической. Победы вермахта в летних сражениях подтолкнут Японию и Турцию выступить на нашей стороне против Советов и покажут Англии и Соединенным Штатам, да и всему миру, военную мощь Германии.

Гитлер, замолчав, пристально взгляделся в лица своих военачальников, как бы призывая оппонировать ему.

В наступившей тишине поднялся фельдмаршал фон Бок, который находился в опале всего месяц, так как командующий группы армий «Юг» фельдмаршал фон Рейхенау не выдержал нагрузки из-за зимней катастрофы – сдачи Ростова-на-Дону и дальнейшего отступления под ударами Красной Армии. Рейхенау, хотя и был отличным спортсменом, хватил сердечный удар и он отдал Богу душу. Причем когда тело фельдмаршала перевозили в фатерлянд, при промежуточной посадке во Львове самолет потерпел катастрофу, и его бранный прах еще раз оказался на небесах, и уже не в переносном смысле.

Поэтому Гитлеру в начале летнего наступления пришлось вернуть фон Бока на службу и назначить командующим группы армий «Юг».

– Мой фюрер, ваш план в целом очень хороший, – после этих слов Гитлер расслабился и заулыбался, а фельдмаршал продолжил: – В начале боевых действий моя группа армий действует как единое целое и нацелена на захват Воронежа. Но затем по вашему плану ее придется разделить на две части. Одна группа двигается в направлении Ростова-на-Дону и дальше на Кавказ, а вторая – к Сталинграду. Так вот, в процессе наступления обе армии, в конечном счете, разойдутся друг от друга на расстояние до шестисот километров. Это, во-первых, безусловно ослабит фланги армий, чем непременно воспользуются русские, ударят по ним и зайдут в тыл наступающим. Во-вторых, такой тактический подход неизбежно приведет к ослаблению мощи наступления по означенным целям, а ее и так не хватает из-за больших потерь в сорок первом и начале этого года.

Федор фон Бок выдохнул, медленно повертел головой, смотря на своих камрадов и как бы ища у них поддержки, и, вновь взглянув на, фюрера, но не встречаясь с ним взглядом, продолжил говорить:

– Мой фюрер, мы уже не те, что были в начале операции «Барбароса». У меня в группе армий некомплект составляет в пехотных дивизиях примерно две с половиной тысячи, а в танковых – до двух тысяч человек, соответственно потеряна и техника.

Гитлер нахмурился, и в этот момент поднялся начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер. Он в победоносных сражениях, можно сказать, восхвалял военный гений фюрера, а при поражениях пытался свалить все неудачи на поле боя на отсутствие у него стратегического таланта полководца.

– Мой фюрер, после зимних боев мы потеряли около миллиона солдат. Пополнение в войска пришло всего четыреста пятьдесят тысяч, то есть пятьдесят процентов. Бронетехники полностью выбыло из строя более двух тысяч трехсот единиц, а получили только тысячу восемьсот. Потери автомашин достигли семидесяти пяти тысяч, и эта брешь закрыта всего на десять процентов.

У Гитлера поползли пятна по лицу и появились желваки на скулах, а пальцы рук сжались в кулак. Зная, что фюрер, по своей натуре, когда слышит неприятные для него вещи, вот-вот взорвется, услужливый Кейтель незаметно для Гитлера замахал рукой, останавливая генерал-полковника, а тот, как бы ни замечая этих знаков, продолжил:

– Мой фюрер на всем Восточном фронте не хватает более шестисот тысяч призывников для того, чтобы наши армии были вновь такими же сильными, как в начале похода на Россию.

– Мой фюрер, – вступил вновь в разговор фон Бок, – предлагаю не разделять группу армий «Юг» и ударить по одной какой-то цели, к примеру, Сталинграду, и, решив эту задачу, после этого развернуться всей мощью на Кавказ.

Чего опасался Кейтель, случилось: фюрер взорвался и стал метаться по бункеру, крича:

– Как всегда вы хотите загубить на корню мой идеальный план нынешней летней кампании. Не позволю вам этого сделать, я и только я командую сухопутными силами, и мне виднее, как поступать и куда наступать! Вы все недостойны званий, присвоенных мной вам! Выполнять безусловно то, что я здесь битых два часа втолковываю в ваши непонятливые и своенравные головы. За фланги не бойтесь, господа генералы, мы прикроем их частями наших союзников – румынских, итальянских, венгерских армий.

Немного успокоившись, Гитлер продолжил:

– До необходимого уровня боевой техникой я пополню вермахт. Причем самой современной, такой, какой нет ни у кого. Взять тяжелый танк «Тигр» – ему нет равных ни в одной армии мира. Он с легкостью уничтожит все на своем пути из своей длинноствольной восьмидесятивосьмимиллиметровой пушки. А вот его подбить невозможно, нет у наших врагов снарядов, способных пробить его хромомолибденовую лобовую броню толщиной десять сантиметров.

Замолчав, фюрер подошел к Гальдеру практически вплотную и, смотря тому в глаза, приказал:

– Генерал-полковник, разработать детальный план летнего наступления, основываясь на моем видении стратегической задачи нынешней кампании.

После этих слов Гитлера, вытянувшись по стойке смирно, Кейтель воскликнул:

– Мой фюрер, мы все выполним, как вы приказываете! И давайте эту операцию назовем «Зигфрид».

– Нет, – зло посмотрев на своего верного «слугу», ответил Гитлер, – хватит с меня «Барбароссы», не будем больше тревожить покой наших великих предков. Назовем этот план «Синий», а чтобы ввести в заблуждение Сталина, надо разработать фиктивный план наступления на Москву, вот его назовем «Кремль» и подбросим его через военную разведку русским.

Генштаб сухопутных войск под руководством Гальдера быстро разработал стратегию летнего наступления вермахта, и в результате появилась Директива № 41 от 5 апреля 1942 года.

«Фюрер и Верховный Главнокомандующий вермахта. Штаб оперативного руководства ОКВ / № 55616/42 5.4.1942. Совершенно секретно. Ставка фюрера. Директива № 41.

Зимняя битва в России близится к концу. Благодаря выдающейся храбрости и самоотверженным действиям солдат Восточного фронта достигнут грандиозный оборонительный успех германского оружия. Противник понес тяжелейшие потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимые начальные успехи, он этой зимой в значительной мере израсходовал также основную массу своих резервов, предназначенных для дальнейших операций. Как только условия погоды и местности будут благоприятствовать, немецкое командование и войска вновь должны захватить в свои руки инициативу и навязать противнику свою волю. Цель состоит в том, чтобы окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся еще у Советов, лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров.

I. Общий замысел. Придерживаясь исходных принципов Восточной кампании, необходимо, не предпринимая активных действий на центральном участке фронта, добиться на севере падения Ленинграда и установить связь с финнами по суше, а на южном крыле осуществить прорыв в район Кавказа. Учитывая обстановку, сложившуюся ко времени окончания зимней битвы, при наличных силах и средствах, а также существующих транспортных условиях цель эта может быть достигнута только по этапам. Первоначально необходимо сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее р. Дон и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет. Окончательное уничтожение Ленинграда и захват района р. Нева будут осуществлены, как только позволит обстановка в районе окружения или высвобождение других достаточных сил.

II. Проведение операций. Наступление в рамках этих операций следует вести так, чтобы войска, продвигающиеся вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые пробиваются на восток из района Таганрог – Артемовск через р. Донец между нижним течением р. Дон и Ворошиловградом. В завершение операции они должны войти в соприкосновение с танковой армией, наступающей на Сталинград. Если же в ходе этих операций, особенно в результате овладения неповрежденными мостами, возникнет перспектива создания плацдармов восточнее или южнее р. Дон, такими возможностями надо воспользоваться. В любом случае, следует попытаться достигнуть самого Сталинграда или же, по меньшей мере, подвергнуть его воздействию нашего оружия в такой степени, чтобы он перестал служить военно-промышленным и транспортным центром. В ходе этих операций на линии фронта по р. Дон привлечь в первую очередь соединения союзников. При том условии, что германские войска будут использоваться в качестве мощного барьера между Орлом и р. Дон. А также вдоль прибрежной полосы Сталинграда; в остальном же отдельные германские дивизии будут находиться позади линии, проходящей вдоль р. Дон, в качестве подвижного резерва. Союзные войска следует использовать на занимаемых ими участках настолько возможным образом, чтобы севернее располагались венгры, затем – итальянцы и далее юго-востоку – румыны.

Адольф Гитлер».

Глава 4. Кремль, заседание ГКО

Почти в то же самое время, когда Гитлер провел совещание со своими военачальниками, то есть в конце марта, в Москве состоялось заседание Государственного Комитета Обороны.

Сталин, прохаживаясь по кабинету неторопливо рассуждал:

– Думаю товарищи, что будет правильно после успешных зимних боев Красной Армии сейчас перейти к оборонительным действиям. Накопить стратегические резервы, пополнить войска как людьми, так и техникой. Запасись боеприпасами, горючим, продовольствием и обмундированием для бойцов и командиров, то есть всем необходимым для продолжения успешного уничтожения гитлеровцев.

Сталин замолчал, взял со столика с телефонами коробку папирос «Герцеговина флор» закурил и спросил:

– А что предлагает Генштаб? – и посмотрел на Шапошникова.

Борис Михайлович встал слегка откашлялся:

– Товарищ Сталин, я тоже придерживаюсь оборонительной стратегии. Войска слишком измотаны боями. Им требуется передышка и переформирование, пополнение свежими силами. Обороной мы обескровим германцев, выйдем их лучшие части, и тогда можно будет перейти к наступательным операциям, сейчас мы с товарищем Василевским и с оперативной частью Генштаба над этим планом работаем.

Вождь посмотрел на Александра Михайловича, тот встал и четко сказал:

– Товарищ Сталин, я за оборонительную тактику на данном этапе.

Сталин в знак согласия кивнул головой и произнес:

– Да, наверно это правильное решение. Но, – он сделал паузу, – полностью уповать только на оборону не стоит. К примеру, нужно уничтожить стотысячную группировку фашистов находящуюся в окружении в так называемом Демянском котле. Также провести ряд наступательных операций в Крыму.

Сталин задумался, и в этот момент встал маршал Тимошенко, командующий Юго-Западным фронтом:

– Товарищ Сталин, предлагаю провести большое наступление в районе Харькова с целью освобождения его. Командование фронта уверено в успехе задуманной операции.

– Что думает по этому поводу Генштаб? – задал вопрос вождь.

– Товарищ Сталин, – вновь встал Шапошников, – категорически против этой операции. Так как у фронта нет достаточных резервов, и войска находятся на очень неудобных позициях для наступления. Части находятся как бы в вытянутом в сторону противника узком языке. Большая вероятность, что германцы вначале сомнут фланги, а затем зайдут в тыл наступающим войскам и замкнут кольцо вокруг их.

– Товарищ Жуков, ваше мнение по этому вопросу? – И вождь внимательно посмотрел на него.

– Товарищ Сталин, – Жуков встал и четко, как бы выговаривая каждую букву, сказал, – я придерживаюсь того же мнения, что и Вы, и товарищи Шапошников и Василевский. Надо дать отдохнуть войскам после зимне-весеннего наступления и готовиться к летнему немецкому наступлению. А оно обязательно будет, думаю, что не в сторону Москвы, а на юг, на Ростов-на Дону, откуда мы отбросили фашистов и они захотят его вернуть, чтобы выйти на Кавказ, куда они и рвутся.

Вождь слегка нахмурился и сказал:

– Вот что, предложение товарища Тимошенко будем считать делом командования Юго-Западного фронта, так сказать, частная операция, раз они уверены в успехе. А в целом считаем, что переходим к стратегической обороне и к накоплению резервов в районе Воронежа.

По данным нашей разведки, именно с захвата этого города гитлеровцы начнут свое летнее наступление на юг.

Двенадцатого мая маршал Тимошенко начал свою Харьковскую наступательную операцию. Вначале она развивалась успешно. Но, как и предполагал начальник генерального штаба Шапошников, плохая подготовка операции штабом Юго-Западного фронта, слабое оборонительное эшелонирование и отсутствие достаточных резервов как в людях, так и в технике позволили фон Боку переломить ситуацию в свою пользу.

Фельдмаршал к 26 мая полностью все наступающие армии Тимошенко, по сути дела, загнал в котел. В окружении оказались двести семьдесят тысяч бойцов Красной Армии, тысяча двести танков, две тысячи орудий разных калибров.

Сталин по этому поводу послал телеграмму Тимошенко следующего содержания: «В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел отдать противнику 18–20 дивизий. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт и продолжает переживать, то, боюсь, с вами, поступят беспощадно. К вашему сведению, Тимошенко, ваш противник фон Бок потерял в боях против вас всего около двадцати тысяч солдат».

Глава 5. Пасторский особняк в Полтаве

Для выполнения плана «Блау»¹ группу армий «Юг» фюрер приказал доукомплектовать, снимая для этого дивизии с Западного фронта, так как, по данным разведок – военной «Абвер» и политической СД, – высадки англичан и американцев во Францию в этом году не предвидится.

После пополнения в распоряжении фон Бока оказалось пять полностью оснащенных немецких армий численностью свыше миллиона солдат и располагающих 17000 тысяч орудий, 1200 танков, а также поддержкой 1640 самолетов 4-го воздушного флота люфтваффе.

Фельдмаршал фон Бок, разгромив Юго-Западный фронт русских и не имея перед собой практически никакого серьезного сопротивления, двинул группу армий «Юг» на Воронеж и принялся его штурмовать, но с ходу взять его не удалось. Германские войска плотно увязли в боях с упорно обороняющимися защитниками города. Гитлер, недовольный задержкой наступления под Воронежем, решил побывать в штабе фон Бока, находящемся в Полтаве, и устроить разнос своим генералам за медленный темп наступления.

Вылетев 1 июня в четыре часа утра из своей ставки в Восточной Пруссии на личном четырехмоторном самолете «Фокке-Вульф 200 «Кондор». Пилотировал лайнер постоянный, с 1932 года, пилот фюрера Ганс Баур, являющийся летным капитаном Люфтганза и группенфюрером СС. В сопровождении специальной группы воздушной охраны, состоящей из шести истребителей «Мессершмитт 109», самолет с Гитлером уже в девять часов приземлился на аэродроме «Полтава 4».

Под восторженные крики заполнивших улицы солдат, фюрер прибыл в красивый одноэтажный дом в стиле, похожем на барокко, с балконом над входной дверью, так называемый «Пасторский особняк», где располагался штаб группы армий «Юг».

Здесь его уже ожидали сам фон Бок, начальник штаба его группы войск, генерал-лейтенант фон Грейфенберг, командующий 6-й армией генерал танковых войск Паулюс и еще ряд высокопоставленных военачальников третьего рейха.

Гитлер поздоровался со всеми за руку и, как говорят наездники, взял с места в карьер:

– Господа, я вполне удовлетворен действиями сухопутных войск этой весной! Помимо того, что мы разгромили русских под Харьковом и промышленный Донбасс теперь в наших руках, мы и в Крыму также одержали выдающуюся победу, сломили там сопротивление русских и взяли в плен более ста семидесяти тысяч солдат. Захватили двести пятьдесят восемь танков и одну тысячу сто тридцать орудий, уничтожили четыреста самолетов. Полуостров теперь практически весь завоеван, остался один Севастополь, но и он, благодаря успешным действиям генерал-лейтенанта Манштейна, скоро падет.

Фюрер замолчал, оглядел своих военачальников и продолжил:

– Но меня полностью не устраивает, что мы застряли под Воронежем и теряем темп наступления на юг. Фельдмаршал, – обратился фюрер к Боку, – я не настаиваю на взятии этого города ценой ненужной для всего нашего стремительного летнего наступления длительной задержки. Достаточно будет разгромить там авиационный и другие заводы. Уничтожить железнодорожную станцию, чтобы составы не могли больше туда прибывать. Оставить под Воронежем необходимое количество войск для сдерживания русских. Генерал, – фюрер, минуя фон Бока, обратился непосредственно к Паулюсу, – ваша 6-я армия должна как можно быстрее захватить Сталинград, перерезать снабжение русских по Волге и двинуться дальше, на Кавказ.

Затем фюрер подошел к фон Вейхсу:

¹ «Голубой» (нем.).

– Генерал-полковник, ваша 7-я армия должна двинуться на Ростов и далее через Кавказские горы, захватить Черноморское побережье. Господа, – теперь Гитлер обратился, ко всем присутствующим, – вы должны понять, одной румынской нефти нам не хватит для ведения боевых действий. Вбейте себе в ваши головы, – прокричал фюрер, – если мы не захватим промыслы в Майкопе, Грозном и в Баку, то мне придется, – Гитлер на секунду остановился, сжал кулаки и вновь сорвался на крик, – остановить войну и сдаться русским, но этого никогда не будет!

В помещении воцарилась тишина, и тут верный Кейтель воскликнул:

– Мой фюрер, ваши brave солдаты выполняют приказ и захватят нефтепромыслы русских и город, носящий имя их вождя.

После этих слов наступила тишина, а фон Бок, которого покорило, что фюрер, проигнорировав его, отдал приказ, как говорится, «через голову» непосредственно Паулюсу, немного помявшись, обратился к Гитлеру:

– Мой фюрер, все-таки настаиваю на том, что говорил вам в марте, на совещании в Ставке. На мой взгляд, не стоит разделять группу армий «Юг» на две части, как вы планируете. Раздробление армий ослабит наши удары по намеченным целям, и мы можем не достичь поставленных вами задач.

Гитлер злобно посмотрел на фон Бока и в ответ сказал:

– Фельдмаршал, по данным разведотдела Абвера «Восток», который возглавляет полковник Гелен, Сталин уже исчерпал все людские резервы! Больше у него нет пополнения! Теперь советский вождь отправляет в бой даже курсантов военных училищ.

И обернувшись, к фельдмаршалу Кейтелю процедил:

– Проследите за выполнением моего приказа, чтобы Генштаб сухопутных войск исполнил все точно, как я сейчас велел. А то господин Гальдер, – фюрер с иронией произнес это имя и продолжил: – только и знает, как половчее не выполнить то, что я приказываю. – Гитлер замолчал и, внимательно посмотрев на своих военачальников, добавил: – И вообще от него пора избавиться, он ничтожная личность, я его презираю, вам без него, да и мне, лучше будет воевать!

С тем и отбыл фюрер так называемого «Вечного третьего рейха» к себе в Ставку в Восточную Пруссию, но затем в полете велел Бауру лететь в Зальцбург, чтобы оттуда на автомобиле отправиться к себе в Бергхоф немного передохнуть, полюбоваться Альпами.

Находясь в своем имении, фюрер отдал приказ на разделение группы армий «Юг» на две части, что и произошло девятого июля. И практически сразу, а точнее двенадцатого июля, в разгар наступления вермахта на Кавказ и Сталинград, Гитлер, испытывая глубокую неприязнь к фон Боку, вспомнив Московскую битву и несогласие фельдмаршала с тактикой нынешней летней кампании, вновь отстранил того от командования и на этот раз окончательно отправил его на покой.

В Москве в это время тоже произошли изменения в военном руководстве. Начальник генерального штаба Красной Армии маршал Шапошников довольно часто стал болеть. В связи с этим Сталин решил подобрать ему замену. В отсутствие Бориса Михайловича его замещал начальник оперативного отдела генерал-полковник Александр Михайлович Василевский. Сталин рассматривал несколько кандидатур на эту высокую должность, но остановился все же на кандидатуре Василевского. 26 июня Политбюро Центрального комитета ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров утвердили генерал-полковника в этой должности.

Глава 6. Вокзал Омска

На плацу, освещенном авиационным прожектором, уже находилось командование училища. Когда курсанты построились и прозвучала команда: «смирно», перед ними вышел комиссар училища Кобякин.

– Товарищи курсанты, – начал он, – несмотря на разгром фашистских войск под Москвой, враг еще силен. – Немного помолчав, он продолжил: – Немцы нанесли сильнейший удар по нашим войскам под Харьковом и Воронежем и рвутся к Сталинграду. На подступах к городу на Волге сейчас идут упорные бои, каждый солдат на счету. Мы должны остановить врага и не дать прорваться к городу, носящему имя нашего вождя товарища Сталина.

В пронзительно-призрачном свете прожектора было видно, как у комиссара появились капельки на лбу и ходит кадык.

– Перед советскими воинами стоит задача не только не дать фашистским полчищам прорваться к Волге, но не позволить им вновь начать наступление к сердцу нашей Родины Москве. В этом году, как сказал в своем выступлении товарищ Сталин, надо окончательно перебить хребет фашистской гадине. – Он замолчал, достал из кармана носовой платок и широким движением вытер лоб. После этого быстро сунул его в карман и продолжил: – Поэтому принято решение часть училища отправить на фронт.

По рядам курсантов прокатилось радостно: «Ур-ра!»

Комиссар поднял руку, и на плацу вновь воцарилась тишина.

– В училище останутся и продолжат обучение те, кто уже летает самостоятельно и готовится в ближайшее время к сдаче летных экзаменов, получению воинского звания, и затем они отправятся на фронт, в боевые эскадрильи и полки.

Комиссар вновь замолчал и с сожалением в голосе продолжил:

– Товарищи курсанты, те, кто отправляется сейчас на фронт, попадет не в авиацию, а в наземные части. А именно – в стрелковую дивизию, которую формирует герой гражданской войны. Вы его все, наверное, знаете, – комиссар сделал паузу и продолжил: – это начальник Омского пехотного училища полковник Гуртьев.

После этих слов тишина на плацу стала гробовой, и в этой тишине вдруг уныло раздалось: – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

На станции, как всегда, были обычная вокзальная суeta и толкотня. Раздавались гудки маневровых паровозов, шипение пара, лязганье сцепок.

Возле эшелона теплушек толпились курсанты и девчонки, пришедшие их провожать.

– Максим, как жалко, что мы расстаемся, – глядя на Королева, с грустью проговорил Маслов, – в аэроклубе познакомились и с тех пор всегда были вместе. От Орла проделали такой трудный путь сюда. А здесь? Вставали в пять утра, в морозы таскали ведрами горячую воду к самолетам прогревать моторы. Все мокрые, заледенелые были, и все для того, чтобы хоть разок взлететь. А помнишь, как в Харькове нас с тобой капитан в танковую школу вербовал. Говорил: «Что толку, что окончите авиационное училище. Все равно сержантами выйдете. А у нас лейтенантами будете, командирами грозной боевой машины», а мы – нет, только летать! И вот судьба разлучает. Ты на фронт, а я остаюсь здесь, в тылу. – Маслов замолчал и с горечью продолжил: – Нутром чувствую, что, оставаясь здесь, не придется мне повоевать ни в небе, ни на земле.

Королев внимательно посмотрел на своего друга:

– Семен, на твоём месте глупо расстраиваться. Ты все-таки будешь летать, рано или поздно окончишь училище. А я вряд ли теперь поднимусь в небо. – Максим, проглотив комок в горле, продолжил: – Стрелковая дивизия – это пехота, и означает сие – пиши пропало. Сам

прекрасно понимаешь, два-три месяца боев – и практически полностью нужно новое пополнение вместо тех, кто лег в землю.

Королев, махнув от отчаяния рукой, замолчал и как бы ушел в себя.

Маслов дотронулся рукой до плеча друга:

– Максим, ты все-таки там, на фронте, попробуй прорваться в авиацию, – неуверенно проговорил он.

– Семен, комдив, как ни странно, побеседовал почти со всеми курсантами нашего училища, что попали к нему в дивизию. Поговорил он и со мной, вспомнил, что я на соревнованиях среди омских военных училищ занял первое место по стрельбе и что неплохо знаю школьный немецкий. Пообещал при первой возможности вернуть вновь в училище и сказал: «Направлю тебя в дивизионную разведку, больше шансов, что останешься в живых и вернешься в авиацию». На всякий случай попросил в штабе летную книжку с подтверждением, что самостоятельно летаю на Р-5 и У-2. Но давай прощаться, Семен. Когда теперь встретимся, да и видимся ли вообще?

Глава 7. Назначение Паулюса

После того как отправил в отставку фельдмаршала Браухича, фюрер, помимо того, что уже являлся главнокомандующим всего вермахта и сухопутных войск, взвалил на себя еще и непосредственное руководство группой армий «Б». Но затем, поняв, что нельзя объять необъятное и кто-то должен нести ответственность в случае неудачных действий армии, но, конечно, только не он, фюрер, немного подумав, пришел к решению назначить командующего группой армий «Б» генерал-полковника Максимилиана Вейхса. Хотя тот и прохладно относился к нацизму, но успешно разбил весной сорок первого Югославскую армию и тем самым заставил Белград подписать капитуляцию. Нынешней зимой отразил наступление русских на Орел и Курск.

В северную часть армий, получившую кодовое название «Группа Вейхс», или «Б», наступавшую на Сталинград входили 4-я танковая, 2-я и 6-я полевые армии.

В состав южной группы армий с кодовым названием «А», наступавшую на Кавказ, под командованием генерала-фельдмаршала Вильгельма Листа, получившего за разгром Франции звание фельдмаршала, успешно победившего Греческую армию и поднявшего фашистский стяг над Афинами, входили 17-я полевая и 1-я танковая армии.

В противовес гитлеровской армии, Генштабом Красной Армии директивой № 994110 от 12 июля был ликвидирован Юго-Западный и образован Сталинградский фронт во главе с маршалом Тимошенко, которого через десять дней заменил генерал-лейтенант Гордов. Фронт располагал двенадцатью дивизиями, в них насчитывалось сто шестьдесят тысяч бойцов, две тысячи двести орудий и минометов, четыреста танков, четыреста пятьдесят самолетов. Как видно из этих данных, немецкие наступающие войска имели подавляющее превосходство как в живой силе, так и в технике. Что, впрочем, было неудивительно после сокрушительных поражений Красной Армии в Крыму и под Харьковом.

Оставив под Воронежем минимальное количество войск с целью не спеша его захватить, войска группы «Б», согласно плану «Блау», продолжали успешно продвигаться на юго-восток, завоеывая все новые территории Донбасса. Основная роль в наступлении отводилась 6-й армии. Она насчитывала четырнадцать дивизий, то есть триста тридцать тысяч человек, три тысячи орудий и минометов и семьсот танков. Авиационную поддержку армии осуществлял четвертый воздушный флот, имевший в своем распоряжении тысячу двести самолетов разных типов.

Во главе армии, как мы помним по совещанию в Полтаве, был генерал танковых войск Фридрих Паулюс. Надо отметить, что многие фельдмаршалы и генералы считали это назначение не самым лучшим выбором Гитлера, так как Паулюс являлся до мозга костей штабным офицером, или, как выражались фронтовые генералы, «штабной крысой». Весь его послужной список относится к этому виду деятельности. Он никогда не командовал боевыми подразделениями на фронте, даже, к примеру, батальоном.

Во время Польской войны и войны на западном театре военных действий Паулюс являлся начальником штаба 6-й армии под командой фон Рейхенау. За эти кампании Паулюс был награжден Железным крестом первой степени и произведен в генерал-лейтенанты.

В 1940 году он назначается заместителем начальника Генерального штаба сухопутных войск, то есть стал работать бок о бок с Гальдером. Вместе с ним он разрабатывал план нападения на Советский Союз «Барбароса».

Многие служившие с Паулюсом генералы отмечали, что он слишком медлителен в принятии решений в обстановке, когда надо оперативно выполнять задачи, возникающие перед войсками в ходе быстротечных боевых действий.

Над ним подшучивали коллеги, называя его «наш благородный фон герр» за привычку два раза в день принимать ванну и постоянно ходить в перчатках. Отмечали также его излишне

честолюбивое желание командовать войсками на фронте, показать себя успешным боевым генералом.

Эта мечта Паулюса исполнилась 20 января 1942 года с подачи Рейхенау, когда тот в декабре 1941 года прибыл в ставку Гитлера.

– Фельдмаршал, – обратился фюрер к Рейхенау, – я снимаю с командования группой армий «Юг» этого бездаря, старика Рундштеда за сдачу Ростова и ставлю во главе армий вас. Надеюсь, фельдмаршал, вы выправите положение, ворота на Кавказ вновь будут в наших руках и вы двинете армии дальше на Кавказ. Но надо подумать, кто примет командование 6-й армией Рейхенау без промедления отчеканил:

– Мой фюрер, на этой должности я вижу лишь одного генерала – моего начальника штаба Фридриха Паулюса.

Гитлер удивленно посмотрел на Рейхенау:

– Вы что, не хотите взять его собой на должность начальника штаба группы армий «Юг»? Да ко всему, фельдмаршал, у него нет опыта командования войсковыми подразделениями даже в мирное время, а сейчас довольно критическое положение вермахта на Восточном фронте – и дать Паулюсу сразу целую армию? Не будет ли это большой ошибкой? – И Гитлер внимательно посмотрел на Рейхенау.

– Мой фюрер, этот генерал в любой ситуации будет выполнять только те приказы, которые получит от вас. У вас, мой фюрер, не будет болеть голова по этому поводу! Паулюс никогда не станет самовольничать наподобие некоторых танковых генералов. Тем более я всегда смогу ему помочь в сложной ситуации, опираясь на свой опыт.

К удивлению скептиков и недоброжелателей, новоиспеченный командарм блестяще показал себя как боевой, войсковой генерал уже весной, в первых своих сражениях. Так, Паулюс остановил Тимошенко возле небольшого городка Изюм. Затем он разгромил его под Харьковом, когда шестая армия и первая танковая армия фон Клейста взяли в «котел» двести сорок тысяч бойцов и две тысячи танков и тысячу орудий Юго-Западного фронта. Гитлер за эти успешные действия 6-й армии наградил Паулюса «Рыцарским крестом Железного креста». И лично в свой Ставке вручил генералу высший орден Германии. После награждения Гитлер пригласил его выпить по чашке кофе.

– Генерал, вы должны понять, насколько мне важно, чтобы ваша армия как можно быстрее захватила Сталинград. Когда это произойдет, мы, вы сами понимаете, сможем развернуть армию на Астрахань и выйти к Каспийскому морю. По побережью мы пробьемся к Баку и захватим тамошние нефтепромыслы, а там и Иран недалеко, – воскликнул на последних словах Гитлер. Затем продолжил уже спокойно: – Паулюс, город не жалеть! Стереть его с лица земли вместе с жителями, применяя авиацию, танки, артиллерию. Мы вообще на завоеванной территории вместо русских лачуг возведем прекрасные красивые немецкие города, а вокруг них построим крестьянские усадьбы для солдат-поселенцев и эти усадьбы свяжем все между собой отличными дорогами. – У Гитлера затуманились глаза и он замолчал.

Паулюс выждал несколько секунд. Посмотрев на своего верховного, поднялся и, встав по стойке смирно, отчеканил:

– Мой фюрер, я приложу все усилия, чтобы моя армия, не снижая темпов, продвигалась к этому стратегически важному городу.

Паулюс вновь сел, сделал глоток кофе и продолжил:

– Мой фюрер, вы, как всегда, оказались правы! Сталин исчерпал свои резервы! И это подтверждается в последних сражениях почти полным отсутствием большого количества пленных. Все! У советского вождя нет людей, отсутствуют резервы! Мои солдаты практически не встречают никакого сопротивления и продвигаются к Волге, как на прогулке, причем очень быстрыми темпами. Я надеюсь, что к сентябрю мы захватим Сталинград, даю вам слово офицера!

Гитлер, внимательно смотря в глаза Паулюса, восторженно произнес:

– В отличие от многих генералов, которые побывали здесь, Вы излучаете уверенность! Это замечательно! Хочу сообщить вам, строго по секрету: после того как падет Сталинград, вы получите новое назначение и войдете в элиту высшего командования вермахта. Когда город на Волге будет стерт в каменную пыль, вы замените Йодля, в нем я разочаровываюсь. Вы станете вместо него начальником оперативного управления Главного командования вермахта.

После этой встречи фюрер решил, еще более усилить 6-ю армию. В ее состав дополнительно было переброшено с других участков Восточного фронта восемнадцать дивизий, полностью оснащенных, боеспособных, доведенных до полного штата.

Глава 8. Приказ № 227 «Ни шагу назад»

После весенних неудачных сражений, а по сути катастрофы, в которую попала Красная Армия из-за амбиций как Тимошенко, так и самого Сталина, а также слабой роли Генерального штаба в подготовке и проведении операций в Крыму и районе Харькова, пришлось принимать решение о дальнейших действиях.

Последствия разгрома наших войск на этих участках фронта моментально стали сказываться на боеспособности группы армий Юго-Западного направления. В частях стала падать дисциплина, появился и стал распространяться миф о том, что отступить еще есть куда, Россия огромна! И войска во многих случаях стали оставлять передовую даже без боестолкновений с врагом, попросту говоря, побежали!

Вот тогда, 28 июля 1942 года, Ставкой Верховного Главнокомандования был издан приказ № 227, но ему предшествовало совещание, когда вождь в своем кабинете собрал заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Молотова, члена Государственного комитета обороны, заместителя председателя Совета Народных Комиссаров, Генерального комиссара государственной безопасности Берия, члена Государственного комитета обороны Маленкова, представителя Ставки по формированию войск маршала Ворошилова, члена Военного Совета Сталинградского фронта Хрущева, командующего Сталинградским фронтом маршала Тимошенко, члена Ставки Верховного Главнокомандования генерала армии Жукова, начальника Генерального штаба генерал-полковника Василевского, начальника артиллерии Красной Армии генерал-полковника Воронова, заместителя наркома по авиации генерал-лейтенанта Новикова, начальника бронетанкового управления генерал-лейтенанта Федоренко, начальника оперативного управления генерал-лейтенанта Бодина, начальника штаба первой танковой армии Юго-Западного фронта полковника Иванова.

Сталин поздоровался со всеми еле заметным кивком головы и устало присел на стоящий немного боком стул во главе стола. Посмотрев на присутствующих, медленно начал говорить:

– Товарищи, – вождь на мгновение замолчал, что-то, обдумывая, и после паузы продолжил: – Мы – и Политбюро, и военные, – можно сказать, обосрались перед своим народом и страной с весенним наступлением. – И вождь бросил из-под бровей злой взгляд на Тимошенко. – Потерять столько войск! Сожалею, что не послушался Бориса Михайловича и товарища Жукова, говоривших о нужности на том весеннем этапе военных действий активной обороны без каких-либо масштабных наступлений. В результате этой беды войска Юго-Западной армии больше не верят своим командирам и комиссарам. Самовольно покидают боевые позиции, откатываясь все дальше вглубь страны. Это немедленно надо прекратить и восстановить строгую дисциплину в целом по всей Красной Армии. Товарищ Василевский подготовил проект приказа, я его переделал, сделал более жестким и доходчивым для любого солдата и генерала. – Сталин поднялся и тяжело, почти шаркая своими мягкими сапогами, подошел к столу с телефонами, взял папку и, обращаясь к Василевскому, попросил того:

– Прочитайте приказ, я очень устал, да и к тому же послушаю его, как говорится, со стороны. Может, что-то добавлю или исправлю. – И вновь устало сел на стул.

Александр Михайлович взял папку, поднялся и стал читать текст.

«Приказ № 227, г. Москва.

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население.

Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге – у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Ста-

робельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам. Каждый командир, красноармеец и политработник должен понять, что наши средства не безграничны.

Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора закончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов. Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование

– ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины. Таков призыв нашей Родины. Выполнить этот призыв – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага».

Василевский закончил читать текст, вождь кивком головы показал, что тот может сесть, а сам, прохаживаясь вдоль стола, стал размышлять вслух:

– После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение. Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу? Я думаю, что следует. Мы здесь с товарищами разработали еще один приказ.

Сталин подошел к своему рабочему столу, достал из папки несколько листов и стал читать

«Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами: а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда; б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа Ставки; в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями: а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду; б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной; в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости

или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий: а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду; б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.
Народный комиссар обороны СССР И. Сталин».

– Ну что думаете, товарищи, нужно что-то добавить или убрать?

– Товарищ Сталин, – встал Маленков, – я так думаю, что все изложено в приказе доходчиво и понятно, красной нитью проходит мысль-приказ: « Ни шагу назад!» – Георгий Максимилианович посмотрел на остальных присутствующих и продолжил: – Уверен, что остальные товарищи такого же мнения!

Незамедлительно, сразу после этого заседания, был издано еще одно распоряжение ставки.

«ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170542

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА О СОЗДАНИИ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ

31 июля 1942 г., 19 ч. 40 мин.

Отход без приказа частей 192-й и 184-й стр. дивизий 62-й армии 30 июля с оборонительных позиций в районе Майоровского в район Верхне-Голубой говорит о неустойчивости молодых дивизий 62-й и 64-й армий, а также и о том, что приказ НКО за № 227 до войск фронта не доведен.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Немедленно донести Ставке, какие меры в соответствии с приказом НКО за № 227 предприняты Военным советом фронта и военными советами армий по отношению к виновникам отхода, к паникерам и трусам, как в указанных дивизиях, так и в частях 21-й армии, оставивших без приказа Клетскую.

2. В двухдневный срок сформировать за счет лучшего состава прибывших во фронт дальневосточных дивизий заградительные отряды до 200 человек в каждом, которые поставить в непосредственном тылу и, прежде всего, за дивизиями 62-й и 64-й армий. Заградительные отряды подчинить военным советам армий через их особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов.

3. Об исполнении донести не позднее 3 августа 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования И. СТАЛИН, А. ВАСИЛЕВСКИЙ

Глава 9. Проблема ленд-лиза

В конце июля, вдобавок к безостановочному наступлению немецких войск на Кавказ и Сталинград, когда каждый танк, самолет, орудие ценились в Красной Армии буквально на вес золота, точнее, они были равны свободе страны от нацистского ига, Великобритания, а точнее сэр Черчилль, неожиданно заявил о том, что в условиях, когда на Севере круглые сутки стоит «день», правительство его величества отказывается посылать корабли, сгруппированные в так называемые конвои, с необходимой Советскому Союзу военной техникой и материалами, поставляемой Америкой через Великобританию по «ленд-лизу».

Причина такого удара в спину России от союзников была в том, что вышедший 27 июня из Англии конвой под индексом PQ-17 в составе тридцати трех транспортов, был разгромлен, к 22 июля в порты Мурманска и Архангельска добрались всего одиннадцать транспортов. Двадцать два судна с грузом практически для целой армии были потоплены немецкой авиацией и подводными лодками. На дно Атлантического и Северного ледовитого океана ушло четыре тысячи автомобилей, пятьсот девяносто четыре танка, двести девяносто семь самолетов и разные грузы весом сто пятьдесят шесть тысяч четыреста девяносто тонн.

Надо отметить, что так называемые «арктические конвои» с военной техникой для Красной Армии начали курсировать между Англией и Советском Союзом еще в 1941 году. Так, с сентября по декабрь было проведено семь конвоев без единой потери как военных кораблей охраны, так и грузовых транспортов. В порт Мурманска было доставлено семьсот пятьдесят танков, восемьсот самолетов, две тысячи триста автомобилей и сто тысяч тонн грузов.

Что же произошло с конвоем PQ-17 и почему погибло столько транспортов с грузом, так необходимым фронту?

Реакция Сталина на отказ англичан доставлять грузы, необходимые Красной Армии, была крайне негативной. Вдобавок ему сообщили, что в этот же день руководители Великобритании и Соединенных Штатов договорились о переносе открытия второго фронта в Европе на следующий год. А в сорок втором решили начать только операцию под кодовым названием «Торч» против немцев и итальянцев на севере Африканского континента.

– Вячеслав, я не понимаю Черчилля, – обратился вождь к своему ближайшему соратнику, – он пишет в этом послании нам буквально следующее: «Мои военно-морские советники сообщают мне, что если бы они располагали такими же военными силами в районах, где проходят наши конвои, как немцы, то они гарантировали бы полное уничтожение любого конвоя, направляющегося в Россию по Северному пути». Вот так, Вячеслав, Черчилль уже за немцев начинает думать и вот что далее пишет: «Нет никакой надежды, что следующим конвоям, которые попытаются пройти этим путем при дневном свете, повезет больше чем PQ-17». Да, этот конвой по пути в Мурманск потерял довольно много транспортов с так необходимыми нам военными грузами. Но сейчас каждый танк, автомобиль, тонна боеприпасов ох как требуется на фронте! Эвакуированные заводы только начинают работать в полную силу. А «семнадцатый» все-таки доставил нам автомобилей восемьсот тридцать девять, танков сто шестьдесят четыре, да из них можно сформировать две дивизии! Самолетов на несколько эскадрилий – восемьдесят семь. Пятьдесят семь тысяч тонн грузов, все это так необходимо для борьбы с немцами именно сейчас

Сталин помолчал, посмотрел в окно, а затем на Молотова и продолжил:

– Вот, Вячеслав, что он пишет в конце депеши: «Поэтому с очень большим сожалением мы пришли к заключению, что попытка направить следующий конвой PQ-18 не принесла бы Вам пользы и нанесла бы невозместимый ущерб общему делу». И предлагает конвои посылать через Персидский залив и далее посуху через Иран и Баку, но этот путь намного длиннее по расстоянию, а значит и времени потребуется намного больше. А сейчас на Сталинградском

направлении каждая минута дорога, патрон на счету. – Сталин помолчал и продолжил: – А когда придет тот «персидский коновой», может, он и не нужен будет! Для России все кончится, немцы захватят Царицын, а затем Москву. Тогда, вероятно, и для Черчилля война тоже плачевно закончится. Завоюет Гитлер после нас и Англию, если этот негодяй сумеет одолеть Советский Союз. Вот такие дела, Вячеслав, – с горечью в голосе еле слышно проговорил Сталин.

Молотов, до этого находившийся напротив вождя, поднялся, подошел к нему, сел рядом. Положив тому руку на плечо и смотря в глаза, заикаясь сильнее обычного, проговорил:

– Коба, да, положение на Волге, можно сказать, аховское, но под Москвой и Ленинградом более-менее стабильное. Выстоим, Коба, вспомни гражданскую, казалось – все! Деникин взял Орел и со дня на день въедет в Кремль на белом коне, да не вышло у него ничего! Отстояли мы тогда, как и сейчас, Москву! Разобьем и Гитлера на Волге, как тогда под твоим руководством Красная Армия разгромили белых и отстояла Царицын.

Молотов задумался на несколько секунд и затем продолжил:

– Будешь отвечать господину из Туманного Альбиона на его нынешнее послание, напомни ему, что когда я вел с ним переговоры в Лондоне, было подписано коммюнике о том, что между нашими странами достигнута полная договоренность в отношении создания второго фронта в Европе. Черчилль твердо обещал открыть его в нынешнем году. – Молотов встал, подошел к карте мира, висевшей на стене и, показывая на нее, с возмущением произнес: – Но вместо этого он с американцами затеял открытие фронта не во Франции, а в Северо-Западной Африке. А с «ленд-лизовскими» поставками вообще непонятно! Идет война, и ясно, что будут потери. Вспомни, Коба, в сороковом году коновой SC-42, шедший в Англию из Штатов, потерял из шестидесяти пяти судов двадцать, то есть практически такое же количество пароходов, как и PQ-17, и ничего, не остановили они тогда проводку конвоев.

Молотов замолчал, а вождь достал из папки, лежавшей на столе, лист и стал не спеша зачитывать:

– Господину премьер-министру Черчиллю. Получил ваше послание от 18 июля. Из него видно, что, во-первых, Правительство Великобритании отказывается продолжать снабжение Советского Союза военными материалами по северному пути и, во-вторых, откладывает открытие второго фронта на 1943 год. Наши военно-морские специалисты считают доводы английских военно-морских специалистов о прекращении подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Они убеждены, что при доброй воле и готовности выполнять взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно и с большими потерями для немцев. Приказ английского Адмиралтейства кораблям охранения покинуть конвой PQ-17 и вернуться в Англию, а транспортным судам добираться в одиночку до советских портов без эскорта военными кораблями наши специалисты считают непонятным и необъяснимым, позволившим немцам потопить такое большое количество транспортов. Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери. Во всяком случае, я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Что касается вопроса открытия второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Я должен заявить самым категоричным образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год. Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в вашем послании».

Сталин закончил читать и достал еще один лист.

– Вячеслав, вот что он мне ответил на это мое послание. «Премьер-министру Сталину. 1. Мы принимаем меры для отправки большого конвоя в Архангельск в первой неделе сентября. Второе: я хотел бы, чтобы вы пригласили меня встретиться с вами лично. Мы могли бы совместно обсудить вопросы, связанные с войной, и в дружеском контакте принять совместные решения. Я мог бы сообщить Вам планы наступательных операций в 1942 году, согласованные мною с Президентом Рузвельтом. 31 июля, 1942 год». Так что, Вячеслав, давай его приглашать. Поговорим с ним, выясним, как говорится, лицом к лицу. Выясним его настоящие намерения о совместной борьбе против фашизма. Ну а ты его встретишь по прилете и привезешь в Кремль.

Глава 10. Черчилль в Москве

Пожелание Уинстона Черчилля осуществилось 12 августа, когда американский стратегический четырехмоторный бомбардировщик, получивший в Англии название «Либерейтор», приземлился на центральном аэродроме Москвы, расположенном на Ходынском поле. Пилоты личного самолета премьер-министра, носившего название «Коммандо», остановили «летающую крепость» точно напротив выстроившегося почетного караула и небольшой группы встречающих во главе с Молотовым.

Кто-то из представительства Великобритании в Москве, держа в руке дрель, подбежал к хвостовой части воздушного корабля. Вставив ее в малозаметное отверстие, покрутил дрель, створка входного люка медленно открылась и в проеме появилась толстая фигура премьер-министра.

Его нога в армейском ботинке на толстой подошве сделала первый шаг на землю чуждой ему по своему политическому строю страны. И прежде чем полностью ступить на советскую землю, Уинстон вспомнил и то, что когда-то сказал про эту страну: «Это угрюмое большевистское государство я настойчиво пытался задушить при его рождении».

Но когда он полностью, обеими ногами, встал на московскую землю, Черчилль решил про себя: «Раз сейчас волей судеб, а точнее, Гитлера, мы стали невольными союзникам, надо все сделать все, чтобы со Сталиным находиться по одну сторону окопов. И убедить московского лидера в правильности совместных решений с Рузвельтом, и никоим образом не дать повода для разочарования в наших тройственных совместных действиях против Германии».

Дружески поздоровавшись с Молотовым, как со старым знакомым, и пройдя вдоль почетного караула, взглядываясь в глаза солдат, отдавая им честь, заморский гость, выполнив ритуал встречи, вместе с наркомом отправился к поджидавшим его автомобилям. И поехал в посольство Великобритании отдохнуть после длительного, в несколько часов, перелета в гудящем и вибрирующем салоне фюзеляжа бомбардировщика.

Отдохнувший и принявший ванну Черчилль приехал в Кремль, где его в своем кабинете ждал Сталин в присутствии Молотова. Вождь, когда Черчилль вошел, направился к нему с еле заметной улыбкой. Два лидера обменялись крепкими рукопожатиями, и Сталин пригласил Черчилля к столу для заседаний.

С хмурым видом и довольно резко, со злостью, Вождь обратился к гостю, с вопросом, который его волновал больше всего:

– Мне непонятно, почему, согласно договоренности, вы господин премьер-министр, не хотите открыть второй фронт во Франции в нынешнем году? Если бы англо-американские войска высадились на Нормандском побережье, то с советского фронта фашистам, – на последнем слове Сталин сделал с ударение, – пришлось бы снять несколько десятков дивизий. Что, безусловно, облегчило бы положение Красной Армии. Вы что напуганы немцами? – гневно спросил Сталин и замолчал. Затем продолжил: – Не надо их бояться. – Вождь замолчал, вопросительно из-под бровей смотря в глаза своему визави и ожидая ответа.

Черчилль, нахмурился, пожевал губами, словно перекатывая сигару во рту, и миролюбиво посмотрев на вождя начал не спеша говорить:

– Господин премьер-министр. Не надо таким тоном вести переговоры, мы все-таки союзники, а не враги. Великобритания, конечно, не боится Германии. Наша страна первой приняла удар Гитлера, и все это время наш народ героически противостоит нацистам.

Тут вождь перебил Черчилля:

– А не надо было потакать Гитлеру и отдавать тому Чехословакию, с чего у него и начался военный угар и амбиции по захвату стран и превращению Европы практически в единое государство со столицей в Берлине под руководством нацистов.

В ответ Черчилль возразил Сталину:

– Господин премьер-министр, во-первых, тогда не я был во главе правительства его высочества, а пустозвон Чемберлен. Во-вторых, я единственный поддержал идею ввода советских войск на территорию Чехословакии для противодействия Гитлеру. – Сделав паузу, пока перевели сказанное Сталину, продолжил: – Открыть второй фронт во Франции мы не можем из-за недостатка десантных кораблей для доставки войск через Ла-Манш, да и накопленных американских войск в моей стране сейчас мало. Потерпеть фиаско, как это случилось у нас под Дюнкерком, означало бы загубить все дело борьбы против Гитлера, нацистов.

Черчилль вновь подождал переводчика, а затем с ободряющей улыбкой обратился к Сталину:

– Но мы, совместно с Президентом, решили провести операцию в Тунисе, под условным названием «Факел». Сейчас в Ливии находятся немецко-итальянские войска. Армия «Африка» под командованием Роммеля насчитывает более двухсот тысяч человек. Для проведения этой операции у нас есть транспорты для переброски наших войск на театр военных действий. Если все пойдет по плану и мы начнем там наступление на нацистов, то немцам в любом случае придется снять большое количество дивизий с ваших фронтов!

Сталин, как только Черчилль замолчал, вновь со злостью воскликнул:

– Нет, нам необходим второй фронт только во Франции и в нынешнем году, как мы условились! Вы не до конца понимаете, чем все может закончиться для нас и Англии, если, не дай Бог, Красная Армия не выдержит натиска немцев на юге, – вождь замолчал, что-то обдумывая, и продолжил: – Поймите, что вам придется возглавить правительство в изгнании где-нибудь в Канаде, а нам, к примеру, – в Индии. О Лондоне можно забыть, его оккупирует Гитлер после того как Советский Союз не выдержит. Да там и так много правительств в изгнании, и вообще, ваша столица, господин премьер-министр, не понравилась мне. Бывал я в ней, когда товарищи послали меня делегатом пятого лондонского съезда РСДРП. Туманный город и столица, – двусмысленно произнес под конец вождь.

Сталин вновь долго и в резкой форме стал высказывать гостю то, что у него наболело за время весенних и летних поражений Красной Армии, вина во всем союзников, не желающих ни посылать конвои с так необходимыми военными грузами, ни открыть второй фронт в Европе в нынешнем году.

Вождь вновь замолчал, а затем продолжил:

– Мы сейчас для удобства руководства боевыми действиями вместо одного Сталинградского фронта образовали два. Один – под командованием генерал-лейтенанта Гордова оставил прежнее название. Второй – новый, Юго-Восточный, его возглавил генерал-полковник Еременко. Ну а их штабы я приказал разместить в самом Сталинграде, упорнее драться будут. Все это принесло успех, – продолжил вождь, – немцам не удалось, как говорится, с ходу танковый прорыв к городу и они завязли в боях на подступах.

Черчилль внимательно слушал своего собеседника и под конец, когда вождь сбавил тон, непроизвольно вновь пожевал губами.

Сталин заметил это и уже более миролюбиво предложил:

– Закуривайте, господин Черчилль.

Тот достал сигару и раскурил ее, а Сталин, в свою очередь, – трубку, и кабинет наполнился ароматным дымом.

Вождь, выпустив клуб дыма сквозь усы, с усмешкой произнес:

– При случае передайте господину президенту Рузвельту, что после жарких дебатов мы с вами раскурили трубку мира, как принято у американских индейцев.

Черчилль заулыбался и быстро ответил:

– Хорошо, что мы с вами не достали топор войны, я тоже об этом расскажу Президенту.

Сталин встал и, широким жестом руки приглашая гостя пройти, произнес:

– А не отправиться ли нам ко мне в квартиру? Там выпьем по бокалу хорошего вина, всласть покурим в удобных креслах. – И подмигнул Молотову, тот сразу встал и быстро вышел.

Когда вождь с Черчиллем прошли в комнату, в которой жил Сталин, там уже были и Молотов, и, как говорится, полный стол со всевозможными закусками: черной, красной и паюсной икрой, зажаренным поросенком, всевозможными колбасами и, конечно, фруктами. Отдельно красовалась батарея бутылок всевозможных вин и коньяков с водками.

Сталин стал открывать бутылки и наливать в бокалы красное вино, а Молотов, подняв бокал и посмотрев и на Сталина, и на Черчилля, немного заикаясь, произнес:

– Предлагаю первый тост за пример-министра правительства его величества, господина Черчилля.

Не успели они еще осушить бокалы после первого тоста, как Молотов произнес следующий:

– Теперь предлагаю выпить за товарища Сталина!

Тот стал вновь наполнять бокалы, но уже из другой бутылки. Показывая рукой с полным бокалом на Молотова и обращаясь к Черчиллю, ухмыльнувшись, дружески произнес:

– Вы знаете, с ним нужно быть осторожным, умеет пить и произносить тосты. Но давайте, чтобы не обидеть Вячеслава, осушим бокалы за сказанное.

Потом выпили и за второй фронт, что точно, как сказал Черчилль, будет открыт в сорок третьем году. Затем осушили очередные бокалы за предстоящую в Африке операцию «Факел». Черчилль предложил тост за успешные бомбардировки немецких городов королевскими военно-воздушными силами, которые сотрут их с лица земли и немецкому народу мало не покажется.

Сталин, дослушав переводчика, ухмыльнулся и полушутливо сказал:

– Молотов на себе испытал ваши бомбы, когда в сороковом году был с визитом в Берлине, вы, господин премьер, тогда чуть его не угробили. Поведай нам, Вячеслав, как было дело.

Молотов с бокалом в руке, как бы дирижируя им самому себе, начал рассказывать.

– Дело было в кабинете Риббентропа. Он меня все убеждал в том – передаю дословно его слова, господин Черчилль, – «что Германия уверена в том, что никакая сила на земле не состоянии предотвратить падения Британской империи. Англия уже разбита». И в этот момент вбегает помощник министра и предлагает спуститься в бомбоубежище, так как начался налет англичан на Берлин. Уже там, на глубине нескольких десятков метров, Риббентроп под доносившиеся и под землю глухие взрывы бомб продолжил свою сказку: «Вопрос в том, когда она признает себя окончательно побежденной, если не в этом, то обязательно в следующем году. Так как ситуация в Англии ухудшается с каждым днем». На мой вопрос, а не странно ли, герр Риббентроп, о победе над Великобританией говорить под аккомпанемент ее бомб, он так толком и не ответил.

Сталин тут же предложил тост:

– Давайте выпьем за то, что вы, господин премьер, оставили в живых Молотова, я ведь без него, как без рук!

Затем было немало выпито и за победы Красной Армии над врагом. Все как-то расслабились, Сталин с Черчиллем безбожно курили, и в комнате, как говорится, дым стоял коромыслом.

В какой-то момент дверь открылась, вошла девочка подросток и вскрикнула:

– Ну, пап, как вы накурили, топор можно вешать. – И продолжила, обращаясь к Молотову: – Дядя Слава, откройте, пожалуйста, форточки, а то вы все скоро задохнетесь здесь.

– Это моя дочь, Светлана, я ее зову «хозяйка», вот она и командует, – с теплотой в голосе объяснил Черчиллю вождь.

А тот в ответ с грустью произнес:

– Такая же рыженькая, как моя дочь Дайана, как она там под немецкими бомбежками?

– А нас немцы тоже пытались бомбить, даже Кремль, да мы их почти всех посбивали. Правда, пара бомб упала на его территории, не принеся никого ущерба, – ответил вождь.

Застолье продолжилось почти до самого утра, когда подошло время вылета. Черчилль, пожимая руку Сталина, произнес:

– Я твердо обещаю вам, что следующий конвоем PQ-18. с необходимыми для нашего общего дела грузами выйдет в Архангельск в первые дни сентября. Я полностью осознаю его необходимость и нужность для общего дела.

– А я, в свою очередь, – ответил Сталин, – осознал важность операции «Факел» и желаю вам в этом удачи!

На том два руководителя стран, объединенных борьбой против нацистов, расстались до следующей встречи в 1943 году.

Но и в 1943 году также не был открыт второй фронт. Однако обещание по конвою PQ-18 Черчилль выполнил. 2 сентября он, в составе тридцати девяти грузовых транспортов с военной техникой и стратегическими материалами для военной промышленности, вышел из Англии. Через семнадцать дней пароходы пришли в порт Архангельска, доставив сто пятьдесят тысяч тонн грузов, которые были крайне важны в Сталинградской битве. Конвой и на этот раз также понес потери: тринадцать транспортов были потоплены. Но и немцы недосчитались при борьбе против PQ-18 сорока четырех боевых самолетов, четырех подводных лодок. Соответственно, погибли и их экипажи – сто шестьдесят пилотов и штурманов и двести пятьдесят подводников оказались на дне Северного Ледовитого океана в своих железных могилах.

Глава 11. План Паулюса по уничтожению Сталинграда

В Полтаве, в «Пасторском особняке», где также размещался штаб 6-й армии, 19 августа Паулюс собрал командиров дивизий, а от люфтваффе присутствовал генерал-полковник барон фон Рихтгофен.

– Господа, мы должны, как можно быстрее выполнить приказ нашего фюрера и на первом этапе захватить Сталинград. Но войска противника, безусловно, уже создали вокруг него глубоко эшелонированную оборону и плацдармы для контратак, накопив для этого силы, в том числе и танковые бригады. Исходя из данной ситуации, надо быть готовыми к упорному сопротивлению врага и преодолеть его. Для этого мы двумя классическими обхватывающими ударами с севера и юга должны создать «котел» и запечатать город, отсекая красных от его защитников. После этого ворваться в него и там ликвидировать остатки войск врага! Мной получена телеграмма от начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера с приказом о том, что после овладения Сталинградом все его мужское население предстоит уничтожить, а женщин вывезти на работы в Германию. Генерал, – обратился Паулюс к Густаву фон Виттерсгейму, командующему четырнадцатым танковым корпусом, – вашим людям придется напрячь все силы в боях в городских условиях. Предполагаю, что сражения будут вестись за каждый квартал и даже за отдельные дома. Исходя из этого, предполагаю, что основная нагрузка по овладению городом в основном должна лечь не на танки, а на пехотные механизированные дивизии и корпус штурмовых орудий. Генерал-полковник, – теперь Паулюс обратился к Рихтгофену, – прежде чем ворваться в Сталинград, его надо подвергнуть массовой бомбардировке, расчистить путь храбрым солдатам генерала Виттерсгейма. Тем более что фюрер, приказал стереть его с лица земли.

– Наш штаб планирует, – начал Рихтгофен, – использовать все имеющиеся в нашем распоряжении бомбардировщики и штурмовики количеством шестьсот самолетов, причем экипажи в сутки выполнят по несколько боевых вылетов, общее количество которых составит более двух тысяч за один день, то есть 23 августа, когда ваша армия перейдет в наступление. – генерал замолчал, достал из папки фотографии и передал их Паулюсу, а затем продолжил: – Все экипажи бомбардировщиков получили вот такие аэрофотоснимки, что я вам передал для ознакомления, тех объектов, которые они должны уничтожить. Основные цели – это заводы, нефтехранилища, вокзалы и подъездные пути к ним, пристани. Пикировщики будут работать конкретно по боевым порядкам русских на передовой, расчищая дорогу нашим храбрым солдатам.

Воскресным утром 23 августа 14-й корпус, пробив в обороне сталинградской армии узкий коридор шириной всего восемь километров, вышел к Волге практически рядом с тракторным заводом с целью захватить его, так как, несмотря на то, что линия фронта проходила практически рядом с цехами, в них продолжали выпускать тридцатьчетверки, которые здесь же комплектовались экипажами, боеприпасами и вступали в бой.

Этот прорыв фон Виттерсгейму обошелся потерей несколько тысяч солдат и тридцати танков. Их уничтожили точными выстрелами бойцы 1077-го зенитного артиллерийского полка.

Контратаки Красной Армии по находившемуся в узком мешке 14-му корпусу постоянно продолжались. И он в ходе боев был отброшен несколько дальше от тракторного завода, да в целом в этот день продвижение 6-й армии к Волге замедлилось.

Глава 12. Обер-фельдфебель Шнайдер

Во второй половине дня 23 августа в безоблачном небе появились эскадрильи люфтваффе. Вначале на город были сброшены осколочные бомбы для поражения живой силы, затем настала очередь зажигалок. В Сталинграде один за другим стали возникать пожары, и вскоре город превратился в один пылающий огромный факел, горела даже Волга от разлитого после взрыва на нефтебазе топлива. Следом в пылающий город полетели тонные фугасы, превращавшие здания в груды щебня.

Волнами, одна за другой, заходили бомбардировщики на город, сбрасывая свой смертоносный груз. Немецкие экипажи выполняли по несколько вылетов в этот день. Бомбардировщики приземлялись и тут же вновь заправлялись бензином, к ним подвешивались бомбы, а экипажи получали новые цели в городе.

– Шнайдер, теперь задание для вашего экипажа. На этот раз вы бомбите химзавод, расположенный в так называемой «теннисной ракетке», – передавая тому полетный лист боевого задания, приказал майор Эрнст Кюхл, командир 2-й группы 55-й бомбардировочной эскадры под названием «Гриф», пилоту «Хейнкеля 111». – Твой штурман, обер-фельдфебель Кляйн, получил все расчетные данные и фото цели. Летите в составе звена, то есть тройкой. Шнайдер, ты ведущий и взлетаешь сразу за мной, держишь минимальное расстояние между нашими самолетами. Внимание, – майор обратился ко всем экипажам, – как и в предыдущие вылеты, полная осмотрительность, чтобы исключить столкновение бортов в воздухе. Так как одновременно над Сталинградом и на подходе к нему с разных направлений в воздухе будет находиться более сотни самолетов не только нашей 55-й эскадры, но и других соединений 8-й воздушной армии. Все экипажи будут работать строго по своим целям. Поэтому четко выдерживать высоту эшелонов, в ваших полетных заданиях она указана. Советских истребителей и на этот раз, видимо, не будет. Работает по нам только зенитная артиллерия, да и то, по данным штаба, 6-й армии большая ее часть направлена на передовую для борьбы с танками генерала Виттерсгейма, – подытожил Кюхл. В эскадре, ввиду его возраста, а ему было уже за полсотни лет с гаком, его уважительно называли «дедушка Эрнст – пятьдесят пять из пятидесяти пятой».

– Фридрих, – обратился Шнайдер к своему штурману, – что за необычное такое обозначение цели?

– Сталинградская внутренняя железная дорога окружает этот завод наподобие теннисной ракетки, вот от этого и такое название нашего объекта, – ответил тот. – Да ты сам, Курт, посмотри на аэрофотоснимке, что нам выдали.

– На самом деле, этой железнодорожной веткой хоть в теннис играй, так что нам особенно не придется напрягаться в поиске этой цели, – подытожил Шнайдер, – пошли к самолету, остальной экипаж уже возле него.

– Герр обер-фельдфебель, «птичка» готова к полету, заправка полная, как говорится, по горлышко. Бомбы подвешены, – доложил старший техник. – Это ваш уже четвертый боевой вылет за сегодняшний день, «птичке» пора и отдохнуть, да и вам тоже, но все же удачи! – пожелал он.

– По правде говоря – подержал разговор Шнайдер, – конечно, устали, но хорошо, что русских истребителей не видно и лишь изредка работают их зенитки. Мы за сегодняшний день практически полностью разбомбили весь Сталинград. Этим вылетом, можно сказать, поставим точку в виде большой воронки на месте завода. Русские надолго запомнят 23 августа – практически вся, бомбардировочная авиация рейха участвует в этой масштабной операции по уничтожению упорно не сдающегося города. Экипаж, по местам, – приказал Шнайдер и, отдав честь технику, первым из экипажа через нижний люк полез в фюзеляж и прошел в кабину. Сел

в кресло, натянул на себя подвесную систему парашюта. Зашелкнул и зафиксировал металлические концы лямок в его замке, а затем проделал такую же операцию с привязными ремнями.

Пока он с ними возился, на свое место, расположенное немного впереди и справа от командирского кресла, протиснулся штурман, который быстро надел парашют и, повернувшись к Шнайдеру, подмигнув тому, весело сказал:

– Герр обер-фельдфебель, разрешите не пристегиваться к креслу. Уже вечер, воздух спокойный, болтанки не будет, да и, к тому же, через сорок минут надо будет ложиться на пол кабины к бомбоприцелу.

Шнайдер в знак согласия кивнул головой и весело добавил:

– Разрешаю, герр фельдфебель.

Затем надел шлемофон, подключил его разъем к бортовой сети и, связавшись поочередно с остальными членами экипажа – бортмехаником и двумя стрелками, верхним и нижним, убедился в их готовности к вылету.

Обер-фельдфебель вначале запустил левый мотор, а потом, когда тот устойчиво заработал, занялся правым. Прогрев их до нужной температуры, показал механикам на земле, рукой чтобы те убрали стояночные тормозные колодки из-под колес. Получив в ответ сигнал, что их уже нет, порулил на взлетную полосу и пристроился в хвост к готовившемуся взлететь «бомберу» штабной эскадрильи, который пилотировал Кюхл. И когда майор пошел на взлет, обер-фельдфебель подождал, чтобы пыль хоть немного осела, двинул сектора газа вперед, двигатели вышли на взлетный режим, и Шнайдер прокричал:

– Абфарен!²

Несмотря на то, что моторы ревели на максимальных оборотах, «сто одиннадцатый» вяло набирал скорость. Что, впрочем, было и неудивительно. Шнайдер в этот полет приказал подвесить две бомбы по тонне и еще две по двести пятьдесят килограммов, плюс полная заправка составляла предельную нагрузку, которую мог поднять «Хейнкель 111».

И все же земля с каждым мгновением все быстрее и быстрее убегала под самолет, амортизационные стойки шасси перестали стучать, когда колеса попадали на неровности летного поля.

– Курт, – прокричал штурман, – скорость отрыва сто семьдесят!

– Фридрих, мы перегружены, поэтому подниму от земли птичку на большей скорости.

– Сто девяносто, – вновь прокричал штурман.

Шнайдер кивнул головой, слегка потянул штурвал на себя, и «Хейнкель» медленно, нехотя оторвался от земли и перешел в плавный набор высоты.

То заглядывая в лист боевого задания, то осматривая через остекления кабины воздушное пространство вокруг самолета, штурман стал выдавать команды пилоту.

– Курт, сбор всей эскадры над Морозовской, то есть над нашей базой. На построение всего «крыла» уйдет минут тридцать, как раз к этому времени зайдем высоту полета пять тысяч метров. И затем плотным строем летим на Сталинград, над ним рассредоточимся и каждая группа будет работать по своим целям.

– Понял, – ответил Шнайдер.

– Штурман, уже четыре тысячи, когда ложимся на маршрут?

– Не волнуйся, командир, по моим расчетам, сейчас майор возьмет направление на Сталинград, и, конечно, мы. За нами наше звено, соответственно все эскадры лягут на нужный курс. Да, как я и говорил, Курт, «дедушка Эрнст» взял направление на Сталинград. Загорелась сигнальная лампа на курсовом автомате компаса как подтверждение, что мы летим строго к цели. – И продолжил: – Впечатляющее зрелище – полсотни бомбардировщиков в плотном строю!

² Поехали!

– Да, если русские истребители сунутся к нам, представляю, каким огненным шквалом встретят их наши бортстрелки. Безнадежное занятие атаковать такую армаду, – поддержал штурмана Шнайдер. А затем продолжил: – Фридрих, да их за целый сегодняшний день никто из нашей эскадры их не видел. Но смотри, на горизонте появился весь в дыму Сталинград. Давай, штурман, ложись на нижнюю бронеплиту и настраивай автомат бомбового прицела.

– Есть, герр обер-фельдфебель, – весело отозвался тот, устроившись лежа поудобнее в передней части кабины, прильнул к бомбовому автоматическому прицелу и стал колдовать с ним вводя все нужные параметры полета для точного сброса бомб.

– Герр обер-фельдфебель! Центр завода в перекрестье прицела! Теперь, Курт, строго выдерживай скорость и высоту, и мы точно накроем завод. Все, – продолжил штурман, – загорелась лампа захвата цели, я установил последовательный автоматический сброс бомб с небольшим интервалом.

Через минуту «сто одиннадцатый» вздрогнул, от него одна за другой отделились бомбы и понеслись со свистом к земле.

– Курт, разворот влево на шестьдесят градусов, и бери курс на «Банхоф», то есть на «Вокзал», – так штурман принятым в люфтваффе кодом назвал аэродром своего базирования.

Он уже сидел на своем рабочем месте и настраивал радиополукомпас на Морозовскую. И когда на нем загорелась лампочка, подтверждающая, что самолет летит на аэродром, а не от него, довольным тоном произнес:

– Курт, все, держи стрелку строго по центру, и можно включить вновь автомат курса, – И, взглянув на указатель скорости и произведя вычисления на навигационной линейке наподобие логарифмической, продолжил: – Ветер попутный, так что путевая скорость больше, чем воздушная. Небо голубое, чистое, ни облачка, видимость, как говорится, от горизонта до горизонта, просто красота, как в мирном небе, Курт! Через сорок минут тридцать секунд покажется наш аэродром, и будем считать, что мы дома, – добавил штурман.

– Это хорошо, Фридрих, что ты сказал: «будем считать», – сказал Курт и затем спросил у воздушных стрелков: – Как обстановка?

Те поочередно ответили:

– Наша тройка, командир, отбомбилась вслед за нами и визуально было видно, что мы полностью разрушили объект! Другие эскадры также работали по Сталинграду, он весь в огне и дыму, там, внизу, видимо, настоящий ад, так как огонь с дымом поднимаются более чем на тысячу метров и даже выше.

– А русские истребители?

– Нет, командир, сейчас не видно. Правда, вначале несколько «Ифанов» пытались атаковать. Но бортстрелки всех самолетов встретили их дружным огнем, создав огненную завесу, и русские, увидев такой огненный шар трассирующих снарядов, отвернули, дали ходу и быстро скрылись из виду. Мы, герр обер-фельдфебель, тоже стреляли, хотя русские и были далеко от нашего самолета!

– Фридрих, – обратился Шнайдер к штурману, снимая шлемофон и наклоняясь к нему. Тот тоже его снял и вопросительно посмотрел на командира, а тот продолжил: – Мы устроили кромешный ад там, внизу, выполняя, как сказали в штабе, приказ фюрера стереть Сталинград с лица земли. Но там и штатские гибли под нашими бомбами.

– Да брось, Курт, не забивай голову такой ерундой, как жалость к врагу. Тем более у нас со страниц всех газет доктор Геббельс постоянно твердит, что русский – это недочеловек и их надо уничтожить.

– Фридрих, но ты вспомни, как в конце мая англичане налетели бомбардировщиками, а их было более чем тысяча, на старинный и прекрасный Кельн. Тогда, как говорят, было разрушено более двадцати тысяч зданий. Под их руинами погибло почти полтысячи человек. Навер-

ное, английские пилоты, сбрасывающие бомбы на города Германии, также считают нас, немцев, неполноценными людьми, которых надо уничтожать.

– Курт, это все, как его называет наш фюрер, поджигатель войны Черчилль. Если бы он заключил мир с Германией, а не полез в драку с нами, то мы бы сообща давно бы покончили с коммунистической Россией.

– Хватит философствовать, Курт, впереди Морозовская, готовимся к посадке, как говорится, слава Всевышнему, что и на этот раз вернулись целыми и невредимыми. После приземления поедим – и в клуб, к барной стойке, а затем можно и развлечься с местными девочками, как тебе такая перспектива, Курт?

Тот убрал обороты двигателя, плавно взял штурвал на себя, и «Хейнкель 111» покатился по полосе, Шнайдер по окончании пробега зарулил на стоянку, выключил двигатели и, обернувшись к штурману, устало сказал:

– Все! Теперь, Фридрих, можно строить и планы на вечер, а вернее, на ночь.

Глава 13. Отстранение и назначение

В результате «работы» асов фон Рихтгофена в последние дни августа Сталинград превратился в кладбище более чем для сорока тысяч человек и груды развалин, где местами возвышались остовы домов. Но, несмотря на эту варварскую бомбардировку, Красная Армия продолжала упорно сопротивляться и на подступах к городу, и в самом Сталинграде, перемалывая в уличных боях лучшие дивизии вермахта.

Паулюс, после того как фон Виттерсгейм доложил, что его передовые части вышли к Волге, доложил об этом успехе Гитлеру. Но буквально через два дня раздался звонок от командующего четырнадцатым корпусом, и Паулюс услышал в телефонной трубке:

– Генерал-полковник, мой корпус находится в сложном положении. Вполне возможно, что русские запечатают нас в мешке, в котором мы оказались, пробиваясь к Волге. Корпус с каждым днем боев теряет все больше и техники и людей, а пополнения я не получаю. Подвоз всего необходимого, включая боеприпасы, затруднен, так как русские, из-за того что коридор слишком узкий, успешно его простреливают, срывая обеспечение. Генерал-полковник, прошу Вас, чтобы избежать окружения и полного уничтожения и людей, и техники, разрешить мне отступить от Волги на более удобную позицию.

Паулюс буквально онемел от того, что услышал от Виттерсгейма, но затем, не сдерживаясь, закричал, может, впервые в своей жизни, за все время войны:

– Запрещаю! Вы слышите, запрещаю даже на метр отойти от Волги с занимаемой позиции. Держитесь, барон, у Вас просто сдают нервы, Вы получите все необходимое, но ни шагу назад, держитесь! – И положил трубку.

Затем прошелся по кабинету вызвал адъютанта и приказал соединить с начальником Генерального штаба сухопутных сил. Когда раздался зуммер телефона, Паулюс, взяв трубку, услышал тихий, спокойный голос Гальдера:

– Слушаю вас, Паулюс.

– Господин генерал-полковник, прошу Вашего разрешения заменить командующего четырнадцатым корпусом.

– В чем причина замены?

– Он хочет отступить от Волги. Я ему запретил это делать. Генерал, не уверенней в своих силах, не сможет выполнить поставленные фюрером перед ним задачи!

Гальдер немного помолчал, в трубке были слышны только слабые шорохи, затем генерал-полковник вновь спокойным голосом заговорил:

– Хорошо, согласен с вашим решением о замене командующего корпусом. Кого вы хотите поставить вместо Виттерсгейма?

– Если вы поддержите, то я предлагаю генерал-лейтенанта Ганса Хубе.

Так впервые у Паулюса появились разногласия со своими подчиненными по 6-й армии в ведении боевых действий.

В Москве в это же самое время в руководстве Красной Армией тоже произошли изменения. 26 августа Сталин вызвал с Калининского фронта в Москву Жукова и члена военного совета Западного фронта Булганина. Когда те прибыли, вождь сразу принял их в своем кабинете.

Жуков и Булганин вошли и доложили о прибытии. Сталин подошел и поздоровался с ними за руку. Затем предложил присесть и, переводя взгляд с одного на другого, произнес:

– Минут через пять подойдет Молотов, тогда и сообщу, зачем вызвал, а пока, товарищ Жуков, доложите, как прошла Погорело-Городищенская наступательная операция.

Георгий Константинович встал:

– Товарищ Сталин, на данном этапе операция, по сути дела, завершена. На 23 августа войска 20-й армии продвинулись на запад, на расстояние сорока пяти километров, при этом освободили двести сорок пять населенных пунктов Калининской и Смоленской областей. Соответственно немецкие войска группы «Центр» потеряли в боях большое количество техники и людей. Чтобы как-то стабилизировать положение на этом направлении, немецкому верховному командованию пришлось снять часть механизированных дивизий со Сталинградского и Кавказского направления.

В этот момент вошел Молотов, вождь кивнул ему, Вячеслав Михайлович поздоровался с военными, взял стул и пристроился сбоку стола.

Сталин сел рядом с ним и спокойным голосом произнес:

– Товарищ Жуков, вы освобождаетесь от командования Западным фронтом. – Сталин замолчал, пытливо посмотрел на Георгия Константиновича, тот весь напрягся и что-то хотел сказать, но вождь приподнял руку, показывая, чтобы тот помолчал и продолжил: – Сегодня Совет народных комиссаров принял постановление об учреждении должности заместителя Верховного Главнокомандующего и назначение на эту должность, – Сталин замолчал и посмотрел на Молотова.

Тот встал, достал из принесенной с собой папки лист бумаги и зачитал:

– Генерала армии Жукова Георгия Константиновича.

Жуков хотел встать, но вождь и на этот раз показал рукой, чтобы тот не поднимался и спросил:

– Кого, товарищ Жуков, вы видите вместо вас комфронта?

Георгий Константинович на этот раз поднялся и четко произнес:

– Генерал-полковника Конева, он сможет справиться с командованием Западным фронтом.

Сталин поморщился и спросил:

– Он уже командовал им в сорок первом, и тогда под Вязьмой мы потерпели жесточайшее поражение. Не наступаем ли мы во второй раз на одни и те же грабли?

– Нет, товарищ Сталин, я за него ручаюсь!

– Если так, товарищ Жуков, то пусть будет по-вашему. Все организационные вопросы по передаче фронта обсудите с заместителем начальника Генерального штаба генералом Бокковым, он подойдет чуть позже. А сейчас о самом главном, – Сталин замолчал, нахмурился и продолжил: – Товарищ Жуков, в Сталинграде с каждым днем ситуация катастрофически ухудшается. Немцы практически вошли в город и местами пробивались к Волге. Со дня на день могут полностью захватить его. Надо незамедлительно оказать помощь сталинградцам, ударить по фашистам. Недопустимо никакое промедление. Промедление в данной ситуации равносильно преступлению! Ставка передает Сталинградскому фронту дополнительно три армии и, кроме того, перебрасывает туда же первую гвардейскую армию генерала Москаленко.

Вождь замолчал и, внимательно посмотрев на Жукова, продолжил:

– Ваша задача – помочь командарму Москаленко организовать контрудар по немцам, а затем подтянуть переданные Сталинградскому фронту армии и ввести их незамедлительно в бой, иначе, товарищ Жуков, мы потеряем Сталинград! Вы прекрасно понимаете, к какой катастрофе это может привести и с военной точки зрения, да и с политической тоже!

Но, несмотря на ввод в боевые действия под Сталинградом такого большого количества войск, ситуация для защитников города с каждым днем ухудшалась, так как немецкое командование тоже привлекло сюда дополнительные силы в количестве около десяти дивизий, пяти-сот танков и тысячи орудий разного калибра.

Бои шли уже в самом городе, немецкие войска прорвались к господствующей высоте – Мамаеву кургану – и 14 сентября захватили его. Также в этот день в их руках оказался вокзал.

22 сентября ценой потери сорока трех танков и батальона пехоты немцы прорвались еще в одном месте к Волге в районе центральной пристани, но полностью захватить весь берег им не удавалось.

И это неудивительно – ожесточенно сражались воины 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал майора Александра Ильича Родимцева. Немцам хотелось захватить два дома на площади имени 9 Января, которые доминировали в этом месте над волжским берегом. С них простреливалось буквально все, особенно подходы к реке. Тридцать защитников первого дома, названного по имени их командира, сержанта Павлова, не подпускали врага к Волге, отражая все атаки фашистов на протяжении пятидесяти восьми дней, до момента, когда советские войска перешли в наступление.

Второй, соседний, дом, названный по имени лейтенанта Заболотного, возглавившего его оборону, также был, как и первый, бельмом на глазу у немцев, сдерживал их продвижение к берегу Волги. И тогда они, подтянув штурмовые гаубицы, полностью разрушили здание, и под обломками погибли его стойкие защитники.

Не менее героически вела боевые действия 308-я стрелковая дивизия полковника Леонтия Николаевича Гуртьева, прибывшая в Сталинград в конце сентября. Ее бойцы не давали возможность фашистам полностью занять территорию завода «Баррикады». За это время гуртьевцы подбили семьдесят танков, сбили пять самолетов и уничтожили более десяти тысяч солдат и офицеров, наступавших на дивизию, и упорно, несмотря на большие потери, продолжали бить врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.